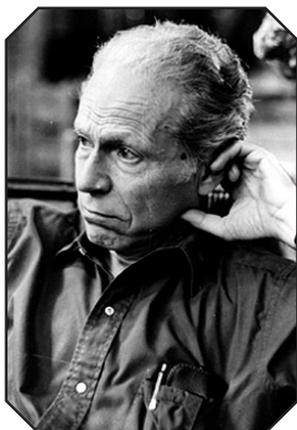

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

А.О. Хиршман

Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа

ХИРШМАН Альберт О. (Hirschman, Albert Otto) — почётный профессор Школы социальных наук Института фундаментальных исследований в Принстоне (США).

Источник: Хиршман А.О. 2012. *Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Hirschman A.O. 1997. *The Passions and the Interests: Political Arguments for Capitalism before Its Triumph*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Фрагмент публикуется с разрешения издателя русского перевода.

Перевод с англ.
Д.А. Узланера

В этой книге выдающийся американский экономист Альберт О. Хиршман (род. 1915) реконструирует интеллектуальный климат XVII–XVIII веков, чтобы прояснить происходившую тогда сложную идеологическую трансформацию, в ходе которой преследование материальных интересов, прежде осуждавшееся как смертный грех алчности, стало играть важную роль в сдерживании неуправляемых и разрушительных человеческих страстей.

Журнал «Экономическая социология» публикует отрывок из первой части книги А. Хиршмана, где представлены рассуждения автора о появлении новой парадигмы, провозглашающей интерес в качестве доминирующего мотива человеческого поведения.

Ключевые слова: страсти; интересы; стяжательство; мотивация; коммерция; социальный порядок.

Часть I. Как интересы были призваны уравновесить страсти

<...>

Интерес как новая парадигма

Идея существования оппозиции между интересами и страстями впервые появилась, насколько я могу судить, в упомянутой выше работе Рогана¹, которая была целиком посвящена вопросам, связанным с государями и государственными деятелями. В последующие десятилетия данная дихотомия рассматривалась целым рядом английских и французских писателей применительно к человеческому поведению в целом.

Поводом для начала дискуссии стал феномен, хорошо известный в интеллектуальной истории: как только идея интереса возникла, она стала модным увлечением, равно как и парадигмой (в духе Куна), — большая часть

¹ Речь идёт об Анри (Генрихе) де Рогане (1579–1638), или Роане, герцоге, гугеноте, содействие в воспитании и продвижении по службе которого оказывал Генрих IV. Герцог де Роган был автором трактата «De l'interest des princes et estats de la chrestienté» («Об интересах монархов и государств христианского мира»), впервые вышедшего в Париже в 1638 г. с посвящением кардиналу де Ришелье, а позже (в 1641 г.) переведенном на англ. яз. и известном как «A Treatise of the Interest of the Princes and States of Christendome» written in French by the Duke of Rohan, Englished by H.H. [Henry Hunt]. — *Примеч. ред.*

человеческого поведения внезапно начала объясняться через себялюбие, порой это доходило до тавтологии. Ларошфуко растворил в себялюбии не только страсти, но и почти все добродетели, в Англии Гоббс осуществил схожую редукционистскую процедуру. В духе этой тенденции изначальная максима «Интересы не лгут», исконно обладавшая нормативным смыслом, суть которого в том, что интересы должны сначала аккуратно вычлениваться, а затем соблюдаться как нечто более важное, чем все прочие возможные способы поведения, вдохновляемые иными мотивами, к концу столетия превратилась в поговорку: «Интересы правят миром»². Одержимость интересом как ключом к пониманию человеческого действия сохранялась и в XVIII веке, когда Гельвеций, вопреки своему превознесению страстей, все же провозгласил: «Если физический мир подчинён закону движения, то мир духовный не менее подчинён закону интереса».

Как это часто происходит с концептами, которые внезапно оказываются в самом центре внимания, — класс, элита, экономическое развитие, если взять несколько последних примеров, — интерес стал казаться чем-то настолько самоочевидным, что никто даже не пытался дать ему более чёткое определение. Точно так же никто даже не пытался объяснить то место, которое он занимает в отношении двух других категорий, господствовавших в объяснении человеческой мотивации со времён Платона: с одной стороны, страсти, с другой — разум. Однако именно на фоне этой традиционной дихотомии можно понять возникновение в конце XVI — начале XVII века рассматриваемой здесь третьей категории. Как только страсть была признана чем-то деструктивным, а разум — бесплодным, позиция, согласно которой человеческое действие может быть исчерпывающим образом описано через его отнесение к той или иной категории, начала приобретать чрезвычайно мрачный оттенок. Надежда возлагалась на возможность вклинить интерес между двумя традиционными категориями человеческой мотивации. Интерес рассматривался как то, что берёт от этих двух категорий самое лучшее: это страсть себялюбия, возвышенная и сдержанная разумом, и одновременно это разум, которому страсть придаёт направление и силу. Получившаяся гибридная форма человеческого действия считалась обладающей иммунитетом как от деструктивности страсти, так и от бесплодности разума. Стоит ли удивляться тому, что доктрина интереса в то время была воспринята как долгожданная и достоверная весть о спасении! Конкретные причины подобного успеха доктрины будут детально исследованы в следующем разделе³.

Естественно, отнюдь не все были уверены в том, что проблема человеческого поведения отныне решена. Были и те, кто противостоял обольщению со стороны новой доктрины и отвергал её на корню. Будучи яростным почитателем Бл. Августина, Боссюэ не видел никакой разницы между интересом и страстью. Он считал, что как «интерес, так и страсть развращают человека», поэтому предостерегал от искушений королевского двора, этой «империи интересов» и «театра страстей»⁴.

Однако столь негативный настрой был скорее исключением. В целом же критики новой доктрины всего лишь сомневались в том, что интерес в смысле разумного, взвешенного «себялюбия» может стать реальным противовесом страстей. Такой была позиция Спинозы: «Все, конечно, отыскивают свою пользу, но домогаются вещей и считают их полезными отнюдь не вследствие голоса здравого рассудка,

² Gunn J.A.W. 1968. «Interest Will Not Lie»: A Seventeenth-Century Political Maxim. *Journal of the History of Ideas*. 29. Oct.–Dec.: 559. Note 37.

³ Таким образом, Луис Хартц занимает в целом неисторическую позицию, когда пишет об «унылости либерального видения, которое рассматривает человека как действующего исключительно исходя из себялюбия». Этот пессимистический взгляд на человеческую природу противопоставляется Хартцем «унылости феодального видения человека как пригодного лишь для того, чтобы осуществлять над ним внешнее доминирование» (Hartz L. 1955. *The Liberal Tradition in America*. New York: Harcourt, Brace and World; 80). Однако изначальна идея о том, что человек руководствуется лишь интересом, никак не считалась унылой.

⁴ LeBrun J. (ed.). 1962. *Politique tirée des propres paroles de l'Écriture Sainte*. Geneva: Droz; 24; Krailsheimer A.J. 1962. *Studies in Self-Interest from Descartes to La Bruyère*. Oxford: Clarendon Press; 184.

но большей частью по увлечению вследствие только страсти и душевных аффектов (которые несколько не считаются ни с будущим, ни с другими вещами)»⁵.

Другие критики отрицали господство интересов не столько по причине всепоглощающего вторжения страстей, сколько в силу неспособности человека до конца осознать свои интересы. Однако здесь имплицитно подразумевается, что состояние, при котором интересы человека будут для него прозрачны и понятны, является весьма завидным. Об этом свидетельствует ироническое замечание маркиза Галифакса: «Если предполагается, что человек должен всегда следовать своим истинным интересам, то это означает производство Всемогущим Богом нового человечества; должна быть новая глина, прежний материал ещё никогда не позволял произвести столь непогрешимое существо»⁶.

Во Франции кардинал де Рец отдал должное новой доктрине, но не без тонкого предостерегающего психологического замечания о нецелесообразности сбрасывания страстей со счётов: «Самой точной оценки намерений человека можно добиться через изучение его интересов, являющихся основным мотивом для действий. Однако по-настоящему искусный политик никогда не станет полностью отвергать те гипотезы, которые следуют из человеческих страстей, так как страсти порой вполне открыто вторгаются — и почти всегда с оказанием подсознательного влияния — в мотивы, определяющие наиболее важные государственные дела»⁷.

Подобно Спинозе и Галифаксу кардинал де Рец ощущал, что вторжение страстей превратит мир в менее упорядоченное место, чем если бы этот мир управлялся исключительно интересами. Лабрюйер, писавший пару десятилетий спустя, в целом был согласен с Рецем относительно того веса, который следует приписывать интересам и страстям в качестве детерминант человеческого поведения; при этом он эксплицитно признаёт существование нового «любовного треугольника»: «Страсть без труда берёт верх над рассудком, но она одерживает великую победу, когда ей удаётся одолеть своекорыстие».

Примечательно, что Лабрюйер занимает позицию отстранённости: в отличие от процитированных выше мыслителей он не выражает никакого беспокойства относительно возможной победы страстей над интересами.

В XVIII веке тезис об интересе как о чем-то высшем был подвергнут куда более резкой критике. Вот два очень характерных высказывания, одно принадлежит Шефтсбери, другое — епископу Батлеру: «Вы уже слышали расхожее суждение о том, что *интересы правят миром*. Но мне кажется, всякий, кто внимательно присмотрится к положению дел, обнаружит, что *страсть, юмор, каприз, рвение, распри* и тысячи прочих источников, противоположных *себялюбию*, играют не менее значимую роль в функционировании этой машины»⁸; «Мы ежедневно видим, что [разумное себялюбие] оказывается отодвинутым на задний план не только более бурными страстями, но также любопытством, стыдом,

⁵ Рус. перев. цит. по: Спиноза Б. 1999. Богословско-политический трактат. В: Спиноза Б. *Сочинения: В 2 т.* 2. СПб.: Наука; 69.

⁶ Цит. по: Raab F. 1964. *The English Face of Machiavelli*. London: Routledge & K. Paul; 247.

⁷ Cardinal de Retz. 1956. *Mémoires*. Paris: Pléiade; NRF; 10081009. В другом месте кардинал делает схожие замечания: «В те времена... в которые нам довелось жить, следует скрещивать склонности людей с их интересами и опираться на это соединение для того, чтобы делать выводы об их возможном поведении» (Ibid.; 984). Потрясающе схожее мнение высказывает Александр Гамильтон, еще один практикующий (и мыслящий) политик: «Хотя нации и управляются в соответствии с тем, что они считают своим интересом, тот, кто не знает, что [благие и не благие] склонности могут незаметно влиять или исказить понимание своего интереса, должно быть, плохо осведомлен о человеческой природе» (цит. по: Stourzh G. 1970. *Alexander Hamilton and the Idea of Republican Government*. Stanford, Calif.: Stanford University Press; 92).

⁸ Shaftesbury. *Characteristics of Men, Manners, Opinions, Times*. Впервые: 1711. Цит. по: Viner J. 1972. *The Role of Providence in the Social Order*. Philadelphia: American Philosophical Society; 70.

любовью к подражанию — вообще, чем угодно, даже леностью, особенно если этот интерес, временный интерес, являющийся конечным стремлением себялюбия, находится на некоторой дистанции. Ошибки людей, уверенных в том, что ими движут исключительно заинтересованность и себялюбие, просто колоссальны»⁹.

Новый акцент, который делается в этих двух цитатах, должен быть проинтерпретирован в свете той значимой перемены в отношении к страстям, которая имела место при переходе от XVII века к XVIII. Вначале страсти рассматривались как нечто сугубо порочное и деструктивное, что следует из французского катехизиса: «Французское королевство не является тиранией, то есть поведение суверена здесь не определяется исключительно его страстями»¹⁰. Однако постепенно, к концу XVII века и ещё полнее в течение XVIII века, страсти оказались реабилитированы, они были признаны сущностью жизни и её потенциальной креативной силой. Прежде, когда тезис о том, что поведение человека полностью определяется его интересами, критиковался на том основании, что страсти не следует сбрасывать со счётов, подразумевалось, что мир куда *хуже*, чем утверждалось в данном суждении. Однако вместе с реабилитацией страстей в XVIII веке подобная критика начинала подразумевать, что мир, полный страстей, куда *лучше* мира, в котором заправляет исключительно интерес. Совмещение у Шефтсбери и Батлера страстей с такой безобидной и даже полезной эмоцией, как юмор и любопытство, подталкивает нас к признанию правоты подобной интерпретации. Она укоренена в отрицании Просвещением трагического и пессимистического взгляда на человека и общество, который был столь характерен для XVII века. Новый взгляд, согласно которому страсти — это то, что *улучшает* мир, управляемый исключительно интересом, был в полной мере выражен Юмом: «Соображения государственного интереса, которые, как принято думать, только и имеют вес в советах монархов, не всегда в конечном счёте берут там верх... мотивы более бескорыстные — благодарность, честь, дружба, великодушие — у государей точно так же, как и у частных лиц, нередко способны уравновесить эти эгоистические побуждения»¹¹.

Естественно, как только смысл слова «интерес» сузился до материальной выгоды, максима о том, что «интересы управляют миром», была просто обязана утратить львиную долю своей притягательности. По сути, она превратилась в горькое сожаление или же в порицание цинизма. В пьесе Шиллера «Смерть Валленштейна» герой характерным образом восклицает: «*Denn nur vom Nutzen wird die Welt regiert*» — «Ведь правит миром лишь одна корысть»¹².

Очевидно, что это поговорка XVII века, которую Шиллер очень хотел перенести в свою пьесу. Единственная проблема заключается в том, что тот уничижительный смысл, который поэт — в духе идеологических течений XVIII века — вкладывает в данную поговорку, самым разительным образом отличается от того смысла, который она имела во времена Валленштейна.

Достоинства мира, в котором правит интерес: предсказуемость и постоянство

Вера в то, что интерес — это доминирующий мотив человеческого поведения, привела к значительному интеллектуальному воодушевлению: наконец-то был обнаружен реалистический фундамент, на

⁹ См.: Butler J. 1896. *Analogy of Religion, Natural and Revealed, to the Constitution and Course of Nature*. In: Butler J. *Works*. I. Oxford: Clarendon Press; 121. Note.

¹⁰ Катехизис 1649 г.; цит. по: Koebner R. 1951. *Despot and Despotism: Vicissitudes of a Political Term*. *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 14: 293.

¹¹ Рус. перев. цит. по: Юм Д. 2001. *Англия под властью дома Стюартов*. СПб.: Алетейя; 86.

¹² Перевод Н. Славятинского. Цит. по: Шиллер Ф. 1975. *Смерть Валленштейна*. Д. I. Явл. 6. В кн.: Шиллер Ф. *Драмы. Стихотворения*. М.: Художественная литература (Серия «Библиотека всемирной литературы»); 282. Смысл фразы меняется во многом благодаря использованию слова «ниг» — «лишь». — *Примеч. перев.*

котором может быть выстроен жизнеспособный социальный порядок. Однако мир, управляемый интересом, предполагал не просто отход от чрезвычайно требовательных моделей государства, которых «никто никогда не видел и о существовании которых никто никогда не знал»; считалось, что такой порядок имеет целый ряд собственных специфических достоинств.

Наиболее очевидным из этих достоинств была *предсказуемость*. Макиавелли показал, что из предпосылки о единой природе человека могут быть сделаны очень веские выводы, касающиеся политики¹³. Однако его диагноз был слишком пессимистичным для того, чтобы стать общераспространённым: обратите внимание на откровенно экстремальную формулировку из 17-й главы «Государя», согласно которой люди «неблагодарны и непостоянны, склонны к лицемерию и обману... их отпугивает опасность и влечёт нажива». Идея о том, что людьми движут только собственные интересы, могла получить большее признание, а то неприятное послевкусие, которое данная идея оставляла, было рассеяно утешающей мыслью о том, что подобный мир может стать гораздо более предсказуемым. Pamфлет «Интерес не лжёт» отчётливо указывает на данный аспект: «Если можешь понять, в чём заключается интерес человека в каждой конкретной игре, то тогда ты можешь точно знать, будет ли человек благоразумен, какова именно его роль в этой игре, то есть как именно следует толковать его намерения»¹⁴.

Схожие идеи могут быть обнаружены в литературе после Реставрации, ратующей за религиозную терпимость. Как гласит один трактат, «...делать предположения о поведении толпы, противоречащие её интересам, — значит устранять из людских дел всякую определённую».

Позднее сэр Джеймс Стюарт использовал схожие аргументы для обоснования позиции, согласно которой индивидуальное поведение, управляемое себялюбием, предпочтительнее не только главенства страстей, но даже добродетельного поведения, особенно в том, что касается соблюдения общественного интереса «управляемых»: «Если бы чудеса случались каждый день, то тогда законы природы перестали бы быть законами; если бы все действовали в интересах общего блага и пренебрегали бы собой, то тогда государственный деятель утратил бы способность к ориентированию... Стань люди полностью незаинтересованными, не будет никакой возможности управлять ими. Ведь каждый может считать, что интерес его страны заключается в чем-то своём, и многие могут полностью разрушить её в своём стремлении развить все её преимущества».

Таким образом, с одной стороны, если человек преследует собственный интерес, то он будет чувствовать себя хорошо, так как интерес по определению «не обманет и не подведёт» — таков общий смысл расхожего высказывания. С другой стороны, для окружающих есть все преимущества в том, что этот человек преследует свой собственный интерес, тем самым его действия становятся прозрачными и предсказуемыми, как если бы он был полностью добродетельным человеком. Соответственно, в политике задолго до того, как это стало догмой в экономике, интерес стал мыслиться как основа взаимовыгодного существования.

Однако с понятием «интерес» был связан и целый ряд трудностей. Так, например, примерно тогда же был выдвинут вполне современный контраргумент: непредсказуемость — лучшая власть. Сэмюэль Батлер полностью разделял учение об интересе, но всё же был уверен, что глупые и недееспособные люди у власти «имеют по крайней мере одно преимущество перед теми, кто умнее. И это преимущество нельзя сбрасывать со счётов. Дело в том, что никто не способен ни догадаться, ни заранее пред-

¹³ Gilbert F. 1965. *Machiavelli and Guicciardini*. Princeton, NJ: Princeton University Press; 157.

¹⁴ Gunn J.A.W. 1968. «Interest Will Not Lie»: A Seventeenth-Century Political Maxim. *Journal of the History of Ideas*. 29. Oct.–Dec.: 557.

ставить, какую именно стратегию изберёт человек, ибо его интересы не представляют того, что более мудрые люди всегда разумно планируют»¹⁵.

Более весомое возражение против самой возможности взаимной выгоды в ситуации, когда все стороны планомерно преследуют свои интересы, выводилось из того факта, что в международной политике интересы основных сторон зачастую находятся в прямой противоположности друг к другу. То обстоятельство, что интересы одной державы являются зеркальным отражением интересов её основного конкурента, было со скрупулёзной дотошностью показано Роганом на примере Франции и Испании. Однако даже в этом случае предполагалось, что про- и антииспански настроенные партии смогут выиграть от соблюдения определённых правил игры, а также за счёт усмирения «страстей», подразумеваемого рациональным преследованием собственных интересов.

Вероятность общего выигрыша стала считаться более высокой в тот момент, когда доктрина, провозглашающая интерес в качестве доминирующего мотива поведения, была применена к внутренней политике. Подобно самому понятию «интерес», понятие *баланса* интересов в Англии было перенесено из своего изначального контекста, относящегося к искусству управления государством, где оно дало концепцию «баланса ветвей власти», и помещено в контекст преисполненной конфликтами внутренней политики. После Реставрации и во время споров о религиозной терпимости было очень много дискуссий относительно тех преимуществ для интересов общества, которые может дать наличие множества интересов и существование определённого напряжения между ними.

Однако те преимущества, которые могут быть получены благодаря предсказуемости человеческого поведения, основанного на интересе, стали казаться все более заманчивыми в тот момент, когда данное понятие начало использоваться в связи с экономической деятельностью индивидов. Хотя бы из-за большого числа акторов противоположность интересов, вовлечённых в торговлю, просто не могла быть столь же тотальной, столь же бросающейся в глаза, столь же угрожающей, как и противоположность двух соседствующих государств или же нескольких конкурирующих политических или конфессиональных групп внутри государства. Побочным продуктом действующих в соответствии со своими экономическими интересами индивидов оказывался не *непростой* баланс, но прочная *сеть* взаимосвязанных отношений. Поэтому ожидалось, что расширение внутренней торговли может привести к созданию более прочных сообществ, тогда как внешняя торговля позволит избежать войн между ними.

Здесь можно сделать небольшое отступление, касающееся историографии экономических учений. В работах, посвящённых меркантилистской доктрине, часто пишут, что экономическое мышление до Юма и Адама Смита отражало взгляды на торговлю как, в строгом смысле, на игру с нулевой суммой, когда прибыль отходит стране, в которой экспорт превышает импорт, тогда как другая страна несёт соответствующие убытки. Однако всякий, кто проанализирует размышления о коммерции и торговле в сочинениях XVII и XVIII веков, кто не будет ограничивать себя исключительно дискуссиями, касающимися торгового баланса, сможет сделать вывод о том, что всюду от расширения торговли ожидалось множество самых различных благоприятных следствий. И многие из них должны быть политическими, социальными и даже нравственными, то есть не совсем экономическими. Некоторые следствия будут рассмотрены далее, в соответствующих разделах данной работы.

Предсказуемость в её наиболее элементарной форме — это постоянство, и именно это качество стало самой важной причиной для притяжения мира, в котором правит интерес. Всё время подчёркивался из-

¹⁵ Butler S. 1908. *Characters and Passages from Notebooks* / Waller A.R.. (ed.). Cambridge: University Press; 394; см. также: Gunn J.A.W. 1968. «Interest Will Not Lie»: A Seventeenth-Century Political Maxim. *Journal of the History of Ideas*. 29. Oct.–Dec.: 558–559.

менчивый, непостоянный характер поведения, определяемого страстями, он расценивался как одна из наиболее спорных и опасных черт такого поведения. Страсти считались чем-то «разнородным» (Гоббс), капризным, мимолётным и одновременно неизбыточным. Согласно Спинозе, «люди могут быть различны по своей природе постольку, поскольку они волнуются аффектами, составляющими пассивные состояния; в этом отношении даже один и тот же человек бывает изменчив и непостоянен»¹⁶.

Непостоянство стало считаться основной трудностью для создания жизнеспособного социального порядка после того, как крайний пессимизм относительно человеческой природы (и относительно возникающего в результате «естественного состояния») Гоббса и Макиавелли во второй половине XVII века уступил место более умеренным взглядам. Одна из основных доктрин общественного договора XVII века, доктрина Пуфендорфа, все ещё на манер Гоббса отсылала к «ненасытному желанию и амбиции» человека, однако она основывала желание договора на людском непостоянстве и ненадёжности, на том факте, что «типичное отношение одного человека к другому — это отношение “непостоянного друга”»¹⁷.

Локк, признававший влияние Пуфендорфа на свои политические взгляды, в основных моментах разделял это учение¹⁸. Локк рисовал естественное состояние если не «идиллическим», как отмечают некоторые критики, то, как минимум, не примитивным — с частной собственностью, наследованием, коммерцией и даже деньгами. Однако именно в силу этого странно «развитого» характера локковского «естественного состояния» возникла нужда в том, чтобы придать ему прочность посредством соглашения, которое гарантировало бы постоянство достигнутого. Договор Локка предназначен для устранения «неудобств, которым [в естественном состоянии] подвергаются [люди] в результате беспорядочного и ненадёжного применения власти, которой обладает каждый человек для наказания проступков других»¹⁹. В другом месте Локк утверждает, что «свобода людей в условиях существования системы правления» заключается в том, чтобы «не быть зависимым от непостоянной, неопределённой, неизвестной самовластной воли другого человека»²⁰. Неопределённость в целом и человеческое непостоянство в частности становятся главным врагом, который должен быть побеждён. Хотя Локк и не апеллирует к интересу как инструменту сдерживания непостоянства, между тем сообществом, которое он пытается соорудить, и образом мира, возникшим в XVII веке, управляемого интересом, существует очень много общего. Ожидалось, что в преследовании своих интересов люди проявят твёрдость, прямолинейность и методичность, что было прямо противоположно стереотипному поведению людей, сбитых и ослеплённых собственными страстями.

Данный аспект, помимо всего прочего, помогает понять конечное отождествление интереса в его изначальном широком смысле с одной конкретной страстью — любовью к деньгам. По общему мнению, данную страсть отличали именно постоянство, упрямство и каждодневное тождество людей по отношению друг к другу. В одном из своих эссе Юм называет алчность, даже не считая необходимым представить её в виде интереса, «упрямой страстью»²¹; в другом эссе он пишет: «Алчность, или жаж-

¹⁶ Рус. перев. цит. по: Спиноза Б. 1999. Этика. В: Спиноза Б. *Сочинения: В 2 т.* 1. СПб.: Наука; 415.

¹⁷ См.: Krieger L. 1965. *The Politics of Discretion: Pufendorf and the Acceptance of Natural Law*. Chicago: Chicago University Press; 119.

¹⁸ Laslett P. 1967. Introduction. In: Locke J. *Two Treatises of Government* / Laslett P. (ed.). Cambridge: University Press, 2nd ed.; 74.

¹⁹ Рус. перев. цит. по: Локк Дж. 1988. Два трактата о правлении. В: Локк Дж. *Сочинения: В 3 т.* 3. М.: Мысль; 335.

²⁰ Ibid.; 274–275.

²¹ Hume D. 1898. *Essays, Moral, Political, and Literary* / Green T.H., Grose T.H. (eds). I. London: Longmans; 160.

да наживы, — это универсальная страсть, которая действует всё время, повсюду и присуща всем людям»²².

В «Трактате о человеческой природе» (1739) Юм намеренно противопоставляет «любовь к стяжанию», характеризуя её как вечную и всеобщую, другим страстям, таким как зависть и мстительность, которые «проявляются лишь время от времени и направлены против единичных лиц»²³. «Восхваление» алчности может быть обнаружено у Сэмюэля Джонсона в повести «The History of Rasselas: Prince of Abissinia» («Расселас, принц Абиссинский», 1759), где герой так описывает свою поработённость: «Я перестал считать свои условия кошмаром, как только обнаружил, что арабы ценят страны только ввиду их богатства. Алчность — это универсальный и послушный порок; прочие интеллектуальные расстройства разнятся в зависимости от конституций ума; тот, кто уймёт гордость одного, заденет гордость другого, но для жадных людей есть готовый рецепт: несите деньги — и вам всё будет позволено»²⁴.

Монтескьё указывал на примечательное постоянство и устойчивость страсти к накоплению: «Один род торговли ведёт к другому: мелочный к среднему, последний к крупному; поэтому тот, кто так сильно желал малой прибыли, оказывается в положении, в котором он не менее сильно желает крупной наживы»²⁵.

В данном отрывке Монтескьё поражён тем, что деньги оказываются исключением из того, что в современной экономической науке принято называть законом убывающей предельной полезности. Около ста лет назад немецкий социолог Георг Зиммель сделал ряд разъясняющих комментариев по данному вопросу. Как указывает Зиммель, обычно исполнение человеческого желания подразумевает самое тесное знакомство со всеми гранями желаемого объекта или опыта, а это знакомство приводит к хорошо известному диссонансу между желанием и его исполнением. Чаще всего такой диссонанс принимает форму разочарования. Однако желание любой конкретной суммы денег, как только оно удовлетворяется, оказывается потрясающим образом защищено от подобного разочарования *при условии, что деньги не тратятся на вещи, а их накопление становится самоцелью*, так как «будучи вещью, абсолютно лишённой качеств, [деньги] не могут скрывать ни удивления, ни разочарования, в отличие от любого другого объекта, каким бы жалким он ни был»²⁶. Психологическое объяснение Зиммеля вполне могло бы показаться убедительным Юму, Монтескьё и д-ру Джонсону, которые явно были заинтригованы постоянством любви к деньгам, что являлось очень необычным качеством для страсти.

Ненасытность *auri sacra fames* («злата проклятая страсть») нередко рассматривалась как самая опасная и предосудительная грань данной страсти. В результате странной инверсии, вызванной увлечённостью послегоббсовской мысли непостоянством человека, эта самая ненасытность стала добродетелью именно потому, что она подразумевала постоянство. Тем не менее для того, чтобы столь радикальная перемена в оценке могла укрепиться и дезавуировать глубоко засевающие мыслительные схемы, необходимо

²² Hume D. 1898. *Essays, Moral, Political, and Literary* / Green T.H., Grose T.H. (eds). I. London: Longmans; 176. Ср. с описанием любви в другом эссе Юма: «Любовь — это беспокойная и непоседливая страсть, исполненная капризов и перемен: возникая мгновенно из воздуха, из ничего, она также мгновенно исчезает как бы по мановению руки» (Ibid.; 238).

²³ Рус. перев. цит. по: Юм Д. 1996. Трактат о человеческой природе. В: Юм Д. *Сочинения: В 2 т.* 1. М.: Мысль; 532. Это сравнение делается в контексте рассмотрения Юмом вопроса, по сути, о существовании гражданского общества. Первоначально сила и универсальность любви к стяжанию представляются как угроза обществу. Однако затем Юм показывает, как эту угрозу можно предотвратить, исходя из того, что «аффект этот гораздо лучше удовлетворяется, если его сдерживать» (Ibid.; 533).

²⁴ Johnson S. *The History of Rasselas, Prince of Abissinia*. Ch. 39 (любое издание).

²⁵ Рус. перев. цит. по: Монтескьё Ш.-Л. 1999. *О духе законов*. М.: Мысль; 283.

²⁶ Simmel G. 1900. *Philosophie des Geldes*. Leipzig: Duncker and Humblot; 232.

было просто наделить данное «своевольное» желание наживы дополнительным свойством — безобидностью.

Стяжательство и коммерция как нечто невинное и doux

Осознание характерного постоянства «заинтересованного аффекта» (Юм) вполне может заставить современного читателя насторожиться: он тут же станет прикидывать вероятность того, что столь могущественная страсть начнёт сметать всё на своём пути. Данная реакция получила своё наиболее сильное и известное проявление столетие спустя в «Коммунистическом манифесте». Но некоторые нотки алармизма звучали уже в Англии начала XVIII века, где банковский кризис 1710 г., «пузырь» South Sea Company (Компания южных морей) 1720 г. и широкомасштабная политическая коррупция времён Уолпола породили беспокойство: как бы старый порядок не был подорван деньгами. Болингброк, соперник Уолпола из партии тори, сделал несколько выпадов против биржевых маклеров и могущественных *nouveaux riches* своего времени; в своей газете «The Craftsman» он даже объявил, что деньги приводят к «более устойчивым связям, чем честь, дружба, отношения, кровное родство или даже единство чувств»²⁷. Однако подобные настроения приобрели некоторую идеологическую значимость лишь во второй половине столетия среди шотландских писателей, особую роль в этом сыграл Адам Фергюсон, а во Франции — Мабли и Морелли. На протяжении большей части столетия, как в Англии, так и во Франции, доминирующей оценкой «стяжательства» было одобрение, пусть даже и несколько высокомерное, как в процитированном выше отрывке из «Расселаса» («...арабы ценят страны *только* ввиду их богатства»).

Д-р Джонсон сделал свою схожую и знаменитую, а в нашем контексте — особенно ценную, ремарку: «Самый невинный способ ангажировать человека — ангажировать его за деньги»²⁸.

Данное насмешливое изречение высвечивает такой характер отношения, при котором мотивированное интересом поведение и стяжательство начали рассматриваться как нечто высшее по сравнению с обычным поведением, движимым страстями. Страсти дики и опасны, а преследование собственных материальных интересов есть нечто безобидное и, сказали бы сегодня, безопасное. Это не очень известный, но все же показательный компонент того комплекса идей, который здесь рассматривается.

Оценка торговых и коммерческих устремлений в качестве безобидных и безвредных может быть истолкована как косвенное следствие долговременного доминирования аристократического идеала. Когда вера в этот идеал была сильно подорвана, а «герой» — «повержен», издавна пользовавшийся дурной репутацией торговец не получил соответствующего прироста престижа: представления о том, что он хитёр, грязен и скучен, ещё долго нависали над ним тенью.

Высказывались сомнения и в том, что коммерция эффективна даже в смысле декларируемых ею целей стяжания денег — уже к середине XVIII века это сомнение было озвучено Вовенаргом в удивительной

²⁷ Цит. по: Kramnick I. 1968. *Bolingbroke and his Circle: The Politics of Nostalgia in the Age of Walpole*. Cambridge, MA: Harvard University Press; 73. В главе III этого труда Болингброк представлен как один из первых политиков-популистов. Однако Крамник, похоже, преувеличивает: в конце этой главы ему приходится опираться на Юма для того, чтобы выдвинуть свои наиболее громкие обвинения в адрес некоторых из финансовых инноваций того времени. См. также: Skinner Q. 1974. *The Principles and Practice of Opposition: The Case of Bolingbroke versus Walpole*. In: McKendrick N. (ed.). *Historical Perspectives: Studies in English Thought and Society in Honour of J.H. Plumb*. London: Europa; 93218; здесь борьба Болингброка расценивается иначе. См. также: Pocock J.G.A. 1975. *The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*. Princeton, NJ: Princeton University Press; 577–578. Дж. Поукок утверждает, что Болингброк заботился о росте рынков куда меньше, чем о росте власти, которую могли получить королевский двор и премьер-министр в результате увеличения количества финансовых ресурсов, находящихся в их распоряжении.

²⁸ Boswell J. 1933. *The Life of Samuel Johnson* New York: Oxford University Press. I; 567 (March 27, 1775).

максиме: «Интерес немногих сделал богатыми»²⁹. Представление, будто бы «человек, обладающий соответствующими качествами, участвуя в сражениях, приобретает богатство гораздо более почётным и быстрым образом, чем менее выдающийся человек — трудом»³⁰, считалось основным убеждением испанцев времён Реконкисты, но данная идея быстро получила повсеместное распространение. Само презрение, которое окружало экономическую деятельность, вело к убеждению в том, что, несмотря на многочисленные свидетельства обратного, коммерция не имеет никакого потенциала ни в одной из сфер человеческой деятельности, не способна породить ни добра, ни зла в сколько-нибудь значимых масштабах. В ту эпоху, когда люди искали способы ограничения ущерба и ужасов, причиняемых друг другу, на коммерческую и экономическую деятельность начинали смотреть более благосклонно, но отнюдь не по причине улучшения оценки подобного рода деятельности; наоборот, любые реверансы в её сторону выражали желание отдохнуть от (разрушительного) величия; это было то же самое презрение, но только в других формах. В каком-то смысле триумф капитализма, равно как и многих других современных тиранов, связан с повсеместным нежеланием принимать его всерьёз, верить в его способность реализовывать великие задумки и иметь реальные достижения. Это нежелание сквозит в замечании д-ра Джонсона.

Изречение Джонсона относительно безобидности стяжательства имело своего двойника во Франции. Схожее определение «невинный» может быть обнаружено в качестве характеристики коммерческой деятельности в преамбуле к эдикту 1669 г., декларировавшему принцип совместимости занятия морской торговлей с дворянским званием: «Ввиду того, что торговля — это плодородный источник, приносящий государству изобилие и распространяющий данное изобилие среди его подданных... а также ввиду того, что ни один другой способ получения богатств не является более невинным и более легитимным...»³¹.

Впоследствии получило хождение ещё одно, даже более странное, понятие. С конца XVII века и позже начались разговоры о *douceur* коммерции. Данное слово очень трудно перевести на какие-то другие языки (например, выражение *la douce France*); оно выражает сладость, мягкость, спокойствие, галантность и является антонимом слова «насилие». Первое упоминание этого слова в связи с коммерцией было обнаружено мною у Жака Савари в «*Le parfait négociant*» («Совершенный негодичант»), учебнике XVII века для торговцев: «[Божественное провидение] распорядилось так, чтобы всё нужное для жизни не скапливалось в одном и том же месте. Оно расплыло свои дары так, чтобы люди торговали и взаимная нужда заставила их помогать друг другу, позволила бы им установить узы дружбы. *Постоянный обмен благами жизни составляет торговлю, а торговля обеспечивает сладость (douceur) жизни...*»³²

Данный отрывок начинается с мысли о благоприятном участии провидения в международной торговле, что ретроспективно прослеживает Якоб Винер вплоть до IV века³³. Однако слова о торговле как о сладости (*douceur*) жизни относятся к духу именно той эпохи, в которую они были написаны.

²⁹ Vauvenargues. 1929. *Réflexions et maximes*. In: Vauvenargues. Oeuvres. Paris: Cité des livres.. II; 151.

³⁰ Madariaga S., de. 1947. *The Fall of the Spanish-American Empire*. London: Hollis and Carter; 7. (Курсив в цитате А. Хиршмана.)

³¹ Цит. по: Forbonnais F., de. 1758. *Recherches et considerations sur les finances de France, depuis l'année 1595 jusqu'à l'année 1721*. Basle: Cramer. I; 436.

³² Savary J. 1675. *Le parfait négociant, ou Instruction générale de tout ce qui regarde le commerce*. Paris; 1. (Курсив в цитате издания 1675 г.)

³³ Viner J. 1972. *The Role of Providence in the Social Order: An Essay in Intellectual History*. Philadelphia: American Philosophical Society; 36 ff.

Самым влиятельным сторонником доктрины *doux commerce* был Монтескьё. В открывающей главе той части работы «О духе законов», в которой речь идёт об экономических вопросах, он пишет: «Можно считать почти общим правилом, что везде, где нравы кротки (*moeurs douces*), там есть и торговля, и везде, где есть торговля, там и нравы кротки»³⁴. И далее, в той же главе, повторяет: «Торговля... шлифует и смягчает (*adoucit*) варварские нравы: это мы видим ежедневно»³⁵.

Из позиции Монтескьё так до конца и не ясно, является ли искомый смягчающий эффект торговли следствием тех изменений, которые она производит в людях, вовлечённых в коммерческую деятельность, или же она преобразует всех тех, кто использует или потребляет блага, становящиеся доступными благодаря коммерции. В любом случае слово *douceur* в его самом широком значении сделало себе очень успешную карьеру, в том числе и за пределами Франции. Двадцать один год спустя после публикации работы Монтескьё его слова, практически буквально повторённые, обнаруживаются у шотландского историка Уильяма Робертсона, который в работе «Взгляд на прогресс общества в Европе» (1769) пишет: «Торговля устраняет те предрассудки, которые поддерживают различия и враждебность народов. Она шлифует и смягчает нравы людей»³⁶.

Слово «отшлифованный» применительно к нации (в противовес нации «грубой и варварской») получило всеобщее хождение в Англии и Шотландии ближе ко второй половине XVIII века. Так обозначались страны Западной Европы, растущее благосостояние которых со всей очевидностью связывалось с экспансией коммерции. Термин «отшлифованный» вполне соотносим с *adouci*: в этом смысле тезис о *douceur* как неотъемлемом атрибуте коммерции вполне может считаться предвестником дихотомий, известных как «продвинутый — отсталый», «развитый — неразвитый» и т. д.

Скорее всего, истоки эпитета *doux* следует искать в «некоммерческих» смыслах коммерции: данное слово помимо торговли издавна обозначало оживлённую, повторяющуюся беседу, а также прочие формы вежливого социального взаимодействия и сотрудничества между людьми (зачастую между двумя людьми противоположного пола)³⁷. Именно с таким подтекстом термин *doux* нередко использовался в сочетании со словом «коммерция». Например, внутренние правила парижского колледжа, выпущенные в 1769 г., содержали следующее положение: «Так как после выпуска из колледжа им предстоит жить в обществе, ученики уже с самого начала должны обучаться практике вежливого, простого и честного взаимодействия (*un commerce doux, aisé et honnête*)»³⁸.

Таким образом, данное понятие, войдя в «торговый» словооборот, внесло в него целый новый пласт смыслов, отсылавших к вежливости, безукоризненности манер, а также к полезному поведению в целом. И все же выражение *le doux commerce* потрясает нас как странная аберрация для эпохи, когда работоторговля достигала своего апогея, а торговля в целом все ещё оставалась рискованным предприятием, полным приключений и нередко насилия³⁹. Столетие спустя данное выражение было умело вы-

³⁴ Рус. перев. цит. по: Монтескьё Ш.-Л. 1999. *О духе законов*. М.: Мысль; 280.

³⁵ Ibid.

³⁶ Robertson W. 1772. *History of the Reign of the Emperor Charles V*. Chicago, IL: University of Chicago Press; 67. В «Доказательствах и иллюстрациях», прилагаемых к данному труду, Робертсон отсылает к введению, написанному Монтескьё для той части своей работы «О духе законов», которая касается торговли, но не к той фразе, которую он из неё заимствует для собственного издания (Ibid.; 165).

³⁷ Это верно как для английского, так и для французского языка; см.: *Oxford English Dictionary*.

³⁸ *Règlement intérieur du Collège Louis-le-Grand*. 1769; 36. Данный документ был выставлен под номером 163 на выставке «Повседневная жизнь Парижа XVIII века» (Archives Nationales. Paris. 1974. Summer).

³⁹ Савари, прекрасно осведомлённый о реалиях торговли и обмена, был готов мириться с рабством на том основании, что «культивирование табака, сахара и индигоносных растений... едва ли не даёт [рабам] никаких преимуществ», так как «знание истинного Бога и христианской религии предоставляется им в качестве компенсации за утрату свободы» (цит. по: Levasseur E. 1911. *Histoire du commerce de la France*. Paris: A. Rousseau. I; 302).

смеяно Марксом, который, апеллируя к первоначальному накоплению капитала, вспоминает наиболее жестокие эпизоды из истории европейской коммерческой экспансии, а затем саркастически восклицает: «Вот она, *doux commerce* [невинная торговля]!»⁴⁰

Образ торговца как *doux*, мирного и безобидного малого, вполне мог возникать на контрасте с мародёрствующими армиями и пиратами-убийцами тех лет. Однако во Франции даже в большей степени, чем в Англии, это могло быть связано с теми линзами, сквозь которые люди взирали на различные социальные группы: всякий, кто не принадлежал к дворянству, *по определению* не мог быть причастным ни к героическим добродетелям, ни к сильным страстям. В конечном счёте подобный человек ориентировался только на интересы, но никак не на славу, и каждый *знал*, что подобный ориентир просто обязан быть *doux* в сравнении со страстными увлечениями и буйными похождениями аристократии.

Стяжательство как спокойная страсть

В XVIII веке позитивное отношение к экономической деятельности было поддержано новыми идеологическими течениями. Пусть данное отношение и было укоренено в пессимистическом видении человеческой природы, характерном для XVII века, оно прекрасно пережило резкие нападки на эти взгляды, которые были предприняты в новом столетии.

Прежние воззрения на интересы и страсти были подвергнуты критике по целому ряду направлений. Одни были уверены — мы уже отмечали это, — что предпосылка, согласно которой человек полностью управляется своими интересами и себялюбием, является в высшей степени спорной. В то же время был введён целый ряд новых классификаций страстей с целью представить некоторые из них более безобидными — если не совершенно полезными — по сравнению со всеми прочими. В этом смысле противопоставление благоприятных и порочных страстей (целый ряд стяжательских наклонностей попали в список первых) в XVIII веке, особенно в Англии, стало эквивалентом оппозиции между интересами и страстями, характерной для XVII века. Обе дихотомии на протяжении достаточно продолжительного времени как сосуществовали, так и пересекались друг с другом.

Новая линия размышлений развивалась так называемой сентименталистской школой английских и шотландских моральных философов от Шефтсбери до Хатчесона и Юма⁴¹. Это была прежде всего их критическая реакция на гоббсовскую мысль. Главным вкладом Шефтсбери в данную интеллектуальную историю была реабилитация или даже новое открытие того, что он называл естественными аффектами (например, благожелательность или великодушие). Он проводит разделение между их вкладом в частное и общее благо; для него не составляет труда показать, что эти замечательные чувства способствуют как одному, так и другому. Затем Шефтсбери обращается к менее притягательным аффектам или страстям и подразделяет их на «самоаффекты», или «страсти, направленные на себя», которые нацелены или могут вести к частному, но не обязательно к общественному благу, и «неестественные аффекты» (бесчеловечность, зависть), которые не способны содействовать ни общественному, ни частному благу. Далее внутри каждой категории он выделяет умеренные и неумеренные аффекты. Очень интересно проследить за тем, как он пытается вместить экономическую деятельность в свою концептуальную схему. Шефтсбери относит её к категории «страстей, направленных на самого себя», но затем пыта-

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. 1960. *Сочинения (2-е изд.)*. 23. М.: Издательство политической литературы; 762. Данное выражение было предметом дружеских шуток между Марксом и Энгельсом. Когда Энгельс в 1869 г. все-таки оборвал все связи с текстильным производством своих родителей для того, чтобы целиком посвятить себя социалистическому движению, он написал Марксу: «Ура! Сегодня покончено с милой коммерцией, и я — свободный человек» (Маркс К., Энгельс Ф. 1964. *Сочинения (2-е изд.)*. 32. М.: Издательство политической литературы; 263).

⁴¹ Хотя Адам Смит и был важным представителем данной школы, его работа «Теория нравственных чувств» никак не касалась того особого разделения, которое Шефтсбери и особенно Хатчесон разбирают во всех подробностях; точно так же он игнорировал и деление на страсти и интересы, о чем см. ниже.

ется исключить её оттуда. «Если забота [о накоплении богатства] будет умеренной и разумной, если она окажется не страстным стремлением, то в этом случае в ней нет ничего, что не соответствовало бы добродетели и не было бы уместным и выгодным для общества. Если такая забота распалится до настоящей *страсти*, то даже тогда ущерб и увечье, которые она нанесёт обществу, не будут большим, чем ущерб и увечье для самого человека, взрастившего эту страсть. Подобный человек превратится в тирана для самого себя, он возведёт хулу на себя гораздо большую, чем на человечество»⁴².

Очевидно, что стяжательство не укладывается в промежуточную категорию «страстей, направленных на себя»: когда страсти потакают умеренно, она становится чем-то вроде «естественного аффекта», способствующего как частному, так и общественному благу. Когда ей потакают сверх меры, она понижается до «неестественного аффекта», который не способствует ни тому, ни другому.

Фрэнсис Хатчесон упрощает схему Шефтсбери. Он выделяет благотворные и эгоистические страсти, с одной стороны, и спокойные и бурные «движения воли» — с другой. Среди тех нескольких примеров, которые он использует для иллюстрации своего второго противопоставления, фигурирует также и экономическая деятельность: «...Спокойное желание богатства вовлечёт человека, пусть и не совсем по его воле, в большие траты, если это будет необходимо для заключения хорошей сделки или выгодного трудоустройства; алчность же будет роптать на подобные траты»⁴³.

Тем критерием, на основе которого Хатчесон отделяет «спокойное (*calm*) желание богатства» (обратите внимание: слово *calm* — это английский эквивалент французского *doux*) от алчности, является не интенсивность желания, а готовность платить более высокую стоимость ради достижения ещё больших благ. Таким образом, спокойное желание — это желание, действующее заодно с расчётом и рациональностью, а значит, являющееся точным эквивалентом того, что в XVII веке было принято понимать под интересом.

Новая терминология сталкивалась с одной небольшой проблемой: в то время как победа интересов над страстями очевидна, вовсе не очевидно то, что спокойные страсти смогут одержать верх в противоборстве со страстями бурными. Юм, который также принимал деление на спокойные и бурные страсти, смотрел на данный вопрос уравновешенно и разрешил его одним точным высказыванием: «Мы должны отличать спокойные аффекты от слабых, бурные — от сильных»⁴⁴.

Всё встало на свои места: деятельность, наподобие рационального накопления богатства, вполне могла рассматриваться и неявно одобряться как спокойная страсть, являющаяся одновременно сильной и способной брать верх над целым множеством бурных (но при этом слабых) страстей. Именно этот двойной характер стяжательства подчёркивает Адам Смит в своём хорошо известном определении «желания улучшить наше положение» как «желания, обычно лишённого страстности и спокойного, присущего нам, однако, с рождения и не покидающего нас до могилы»⁴⁵. Особый пример подобной спокойной, но сильной страсти, одерживающей верх над более бурной, Юм приводит в своём эссе «Об интересе»: «Беспорным следствием любых усердных профессий является то, что любовь к наживе становится сильнее любви к удовольствию»⁴⁶.

⁴² Shaftesbury (Cooper Anthony Ashley, 3rd Earl of Shaftesbury). 1964. *Characteristics of Men, Manners, Opinions, Times*. Indianapolis: Bobbs-Merrill; 336. Впервые: 1711.

⁴³ Hutcheson F. 1969. *A System of Moral Philosophy*. In: Hutcheson F. *Works*. Hildesheim: Georg Olms. V; 12.

⁴⁴ Рус. перев. цит. по: Юм Д. 1996. Трактат о человеческой природе. В: Юм Д. *Сочинения: В 2 т.* 1. М.: Мысль; 461.

⁴⁵ Рус. перев. цит. по: Смит А. 2007. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: ЭКСМО (Серия «Антология экономической мысли»); 350.

⁴⁶ Hume D. 1955. *Writings on Economics*. London: Thomas Nelson; 53.

Ещё более экстравагантные утверждения, касающиеся стяжательства, будут рассмотрены в самом ближайшем будущем. Однако в данный момент тезис Юма можно считать кульминацией прослеживаемой здесь эволюции идей: капитализм приветствуется ведущим философом своего времени, так как он способен активизировать некоторые наиболее благородные человеческие склонности за счёт более зловердных; он подавляет и даже атрофирует наиболее деструктивные и пагубные аспекты человеческой природы.